

Глава 1

— Вчера вечером возле Кровавого леса нашли Финли. Мертвого.

Я оторвала взгляд от карт и алой поверхности стола и посмотрела на троих мужчин, сидящих напротив меня. Место рядом с ними я выбрала не просто так. Пробираясь между занятыми столами, я... ничего не почувствовала.

Никакой боли — ни физической, ни эмоциональной.

Обычно я не пытаюсь выискивать тех, кому больно. Поступать так без причины — грубое вторжение в личное пространство, но в толпе трудно себя контролировать. Всегда есть кто-то, чья боль глубока и свежа, и эта мука настолько осязаема, что мне даже не нужно отпустить чутье. Я не могу просто проигнорировать и уйти. Человек проецирует свои страдания в окружающий мир.

Мне запрещено что-либо делать, можно только игнорировать. Нельзя никому говорить о даре, которым меня наделили боги, и нельзя его использовать.

Не сказать, что я всегда поступаю как положено.
Само собой.

Но когда я высвободила чутье, чтобы избежать тех, кто испытывает сильную боль, с этими мужчинами все оказалось хорошо. Что удивительно, учитывая их род занятий. Они были гвардейцами с Вала — громадной стены из известняка и железа, добытого в Райских пиках. Четыреста лет назад, после войны Двух Королей, Валом обнесли всю Масадонию и все города в королевстве Солис. Стенами поменьше окружили деревни, тренировочные лагеря, сельские общины и небольшие города.

Из-за того, что гвардейцам постоянно приходилось видеть и делать, зачастую они сильно страдали — как от ран, так и от того, что болит сильнее поврежденной кожи или задетых костей.

Эти же гвардейцы не только не страдали, но даже не надели броню и униформу. На них были свободные рубашки и штаны из оленьей кожи. Тем не менее я знала: даже теперь они следят, не появятся ли признаки пугающего тумана и приходящего с ним ужаса или же те, кто действует против королевства. Гвардейцы и сейчас были вооружены до зубов.

Как и я.

В ножнах на бедре, под складками плаща и тонкого платья я прятала кинжал, холодная рукоять которого никогда не согревалась теплом моей кожи. Кинжал мне подарили на шестнадцатилетие: из всего моего оружия это не самое смертоносное, зато любимое. Его рукоятка вырезана из кости давно истребленного вольвена — существа, которое было не человеком или зверем, а тем и другим сразу, — а лезвие сделано из кровокамня, наточенного до губительной остроты.

Наверное, я опять совершаю что-то невероятно безрассудное, неподобающее и полностью запрещенное, но я не настолько глупа, чтобы войти в заведение вроде «Красной жемчужины» без умения и готовности защитить себя.

— Мертвого? — переспросил другой гвардеец, помоложе, с каштановыми волосами и мягкими чертами лица. Кажется, его зовут Эйррик, и он ненамного старше моих восемнадцати. — Он был не просто мертв. Финли был обескровлен и истерзан, словно на него напали дикие псы и разорвали на куски.

Мои карты расплылись перед глазами, а живот словно заполнили крохотные шарики льда. Дикие псы так не поступают. Не говоря уже о том, что в окрестностях Кровавого леса нет никаких диких псов. Это единственное на свете место, где деревья кровоточат, и их кора и листва становятся багровыми. Ходили слухи о других животных: гигантских грызунах и падальщиках, питающихся телами тех, кто слишком долго пробыл в лесу.

— И ты понимаешь, что это означает, — продолжил Эйррик. — Должно быть, они близко. Нападение...

— Не очень подходящая тема для разговора, — оборвал его гвардеец постарше.

Я его знала. Филлипс Рати. Он прослужил на Валу много лет, что почти неслыханно. Гвардейцы долго не живут.

Он кивнул в мою сторону.

— Здесь леди.

Леди?

Так называют только Вознесшихся, но я тоже не кто-нибудь. И я не из тех, кого можно встретить в «Красной жемчужине». Если меня обнаружат... в общем, меня ждут большие неприятности. И взбучка.

Наказание из тех, что обожает устраивать Дориан Тирман, герцог Масадонии. Из тех, на каких обожает присутствовать его ближайший друг, лорд Брендол Мэзин.

Охваченная беспокойством, я посмотрела на темнокожего гвардейца. Филлипс не может знать, кто я. Верхняя часть моего лица скрыта белой полумаской, которую я когда-то нашла в Садах Королевы, и на мне

простой светло-голубой плащ. Я его... э... позаимствовала у Бритты, одной из множества замковых служанок, которые болтают о «Красной жемчужине» — а я подслушиваю. Надеюсь, Бритта не обнаружит пропажу до того, как я верну плащ.

Да что там маска! Масадонцев, видевших мое лицо, можно пересчитать по пальцам одной руки, и никого из них сегодня здесь нет.

Поскольку я Дева, Избранная, обычно мои волосы и лицо, кроме губ и подбородка, покрывает вуаль.

Сомневаюсь, что Филлипс мог узнать меня только по губам и подбородку, а если бы и узнал, никто из них сейчас бы здесь не сидел. Меня бы уже тащили, пусть и осторожно, к моим опекунам — герцогу и герцогине Масадонии.

Так что бояться нечего.

Расслабив плечи и шею, я улыбнулась.

— Я не леди. Можете говорить о чем вам угодно.

— Даже если и так, лучше мы сменим тему на менее мрачную, — ответил Филлипс, многозначительно глянув на двух своих товарищей.

Эйррик посмотрел на меня.

— Примите мои извинения.

— Извинения не нужны, но приняты.

Третий гвардеец опустил голову, уткнувшись в свои карты, и повторил извинения. Его щеки порозовели, что показалось мне очень милым. Гвардейцы с Вала проходят тяжелые тренировки, учатся обращаться с любым оружием и бороться врукопашную. Все пережившие первую вылазку за пределы Вала проливали кровь и видели смерть.

И тем не менее этот человек покраснел.

Я прочистила горло, выжидая момента спросить, кто такой Финли: гвардеец с Вала или следопыт из армейского подразделения, члены которого перевозят сообщения

между городами и сопровождают караваны. Следопыты по полгода проводят снаружи, вне защиты Вала. Это одно из самых опасных занятий, потому они никогда не ездят в одиночку. Некоторые так и не возвращаются.

К несчастью, те немногие, что все же возвращаются, приходят не такими, как прежде. Смерть неумолимо гонится за ними по пятам.

Они возвращаются проклятыми.

Почуяв, что Филиппс будет обрывать все дальнейшие разговоры, я не стала задавать ни один из вопросов, что так и просились на язык. Если с Финли были другие и их ранило то, что его убило, я все равно узнаю, так или иначе.

Надеюсь только, что оповестят меня не крики ужаса.

Жители Масадонии понятия не имеют, сколько людей возвращаются из-за Вала проклятыми. Их видят понемногу то тут, то там, но точной численности никто не знает. Иначе население, мало что знающее об ужасах за Валом, наверняка охватила бы паника.

Но мне и моему брату Йену это известно.

Вот почему, когда разговор за столом свернул на более заурядные темы, я усилием воли попыталась растопить лед внутри себя. Чтобы обеспечить безопасность людей внутри Вала, было отдано бесчисленное множество жизней, однако все усилия идут прахом. Не только здесь, но и по всему королевству Солис.

Смерть...

Смерть всегда найдет способ подобраться...

«Стоп», — приказала я себе, когда тревога уже едва не поглотила меня с головой. Не нужно сегодня думать обо всех этих вещах, которых мне, наверное, и знать не следовало. Нужно наслаждаться жизнью, а не лежать одиноко с открытыми глазами всю ночь, не в силах уснуть, чувствуя, что я... что я ничего не контролирую и... и понятия не имею, кто я такая. И что я такое.

Мне опять выпали неудачные карты. Я достаточно играла с Йеном, чтобы понимать: с такими не выкрутиться. Поэтому я объявила, что выхожу из игры. Гвардейцы кивнули, когда я встала, и пожелали доброго вечера.

Лавируя между столами, я взяла бокал шампанского у слуги в белых перчатках и попыталась вернуть то радостное волнение, что бурлило в моих венах, когда я спешила по улицам в начале вечера.

Осматривая помещение и держа чутье при себе, я размышляла о своем. Даже отбросив тех, кто умудряется наполнять болью воздух вокруг себя, мне не нужно прикасаться к людям, чтобы понять, страдают ли они. Нужно только посмотреть на них и сосредоточиться. Внешний вид человека не меняется, если он испытывает какую-то боль, и не меняется, когда я на нем сосредотачиваюсь. Я просто чувствую его страдание.

Физическая боль почти всегда горячая. А что до неосязаемой боли...

Она почти всегда холодная.

Из размышлений меня выдернули похабные крики и свист. На краю стола рядом с тем, который я покинула, сидела женщина в красном. Наряд из лоскутов атласа и газа едва прикрывал ее бедра. Какой-то мужчина смял в кулаке край прозрачной короткой юбки.

С вызывающей усмешкой оттолкнув его руку, она легла на спину, ее тело чувственно изогнулось. Густые светлые локоны рассыпались по забытым монетам и фишкам.

— Кто хочет сегодня выиграть меня? — произнесла она глубоким манящим голосом, скользя ладонями по талии, затянутой в корсет с рюшами. — Поверьте, мальчики, я продержусь дольше, чем любой горшочек с золотом.

— А если будет ничья? — спросил один из мужчин. Модный фасон его одежды говорил о том, что он зажиточный торговец или какой-то делец.

— Тогда ночь для меня станет гораздо более увлекательной.

Она провела рукой по животу, скользнув ниже, между своих...

У меня вспыхнули щеки, и я быстро отвернулась, сделав глоток игристого шампанского. Мой взгляд упал на ослепительно сияющую розово-золотую люстру. Должно быть, дела в «Красной жемчужине» идут хорошо и у хозяев неплохие связи. Электричество стоит дорого, его контролируют герцог с герцогиней. Интересно, многим ли посетителям доступна такая роскошь?

Под люстрой тоже шла игра в карты — и здесь тоже сидели женщины. Их замысловатые высокие прически украшала россыпь кристаллов, а одежда была куда менее смелая, чем у работниц заведения. На посетительницах были яркие лиловые и желтые платья, а также пастельные голубые и сиреневые.

Мне разрешено носить только белое — и у себя в комнате, и на людях, куда я выходила нечасто. Поэтому меня заворожило то, как различные цвета одежды сочетаются с кожей и волосами. Наверное, я чаще всего похожа на привидение, блуждающее в белом по коридорам замка Тирман.

На этих женщинах тоже были маски, закрывающие половину лица и позволяющие оставаться неузнанными. Мне стало интересно, кто они. Осмелевшие жены, которые слишком часто оставались одни? Незамужние девушки или вдовы? Служанки или городские женщины, у которых выдался свободный вечер? Были ли среди женщин в масках за столом и в толпе леди и лорды-в ожидании? Явились ли они сюда по тем же причинам, что и я?

От скуки? Из любопытства?

От одиночества?

Если так, то между нами больше сходства, чем я думала, даже если они вторые дочери и сыновья, после тринадцати лет отданные ко двору во время ежегодного Ритуала. А я... я Пенеллаф из замка Тирман, дочь рода Бальфуров, любимица королевы.

Я Дева.

Избранная.

И меньше чем через год, в свой девятнадцатый день рождения, я вознесусь, как все леди и лорды-в-ожидании. Каждому из нас уготовано свое Вознесение, но мое будет самым значительным со времен первого Благословения богов, произошедшего после окончания войны Двух Королей.

Если их поймают, с ними ничего страшного не случится. Если поймают меня... тогда на меня обрушится недовольство герцога.

Я ждала губы. Во мне разгорался гнев, смешанный с липкими остатками отвращения и стыда.

Герцог скор на расправу и питает нездоровую тягу к наказаниям.

Но о нем я тоже не буду думать. Меня не беспокоит наказание. Иначе я бы просто вернулась в свои покои.

Оторвав взгляд от стола, я заметила улыбающихся и смеющихся женщин без масок, не прячущих свои лица. Они сидели за столами с гвардейцами и торговцами, стояли в затененных нишах и разговаривали с женщинами в масках, мужчинами и работницами «Красной жемчужины». Они не стыдились и не боялись того, что их все видят.

Кем бы они ни были, у них есть свобода, которой я сильно завидую.

Независимость, которой я искала сегодня, — ведь я в маске, и никто, кроме богов, не знает, что я здесь.

А что касается богов, то я давно решила, что у них есть дела поважнее, нежели наблюдать за мной. Иначе они уже призвали бы меня к ответу за множество поступков, которые мне запрещались.

А значит, сегодня вечером я могу быть кем угодно.

Свобода пьянила гораздо сильнее, чем я представляла. Даже больше, чем незрелый мак — курильщиков.

Сегодня я не Дева. Не Пенеллаф. Я просто Поппи — это уменьшительное имя придумала мама, а теперь меня так называют только брат Йен и немногие близкие.

Для Поппи не существует строгих правил, от нее ничего не ждут, в ее будущем нет Вознесения, которое приближается быстрее, чем могу к нему подготовиться. Ни страха, ни прошлого, ни будущего. Сегодня вечером я могу пожить в свое удовольствие хотя бы пару часов, получить как можно больше впечатлений, прежде чем вернуться в столицу, к королеве.

Прежде чем меня отдадут богам.

По спине пробежали мурашки — неуверенность и немного отчаяния. Я не дала им разрастись. Бессмысленно зацикливаться на том, чего не изменить.

Кроме того, Йен вознесся два года назад и, судя по ежемесячным письмам, остался таким же, как был. Разница только в том, что он не рассказывает свои байки вслух, а пишет в письмах. В прошлом месяце он поведал о двух детях, брате и сестре, которые заплыли на дно моря Страуд и подружились с водным народом.

Я улыбнулась и подняла бокал с шампанским. Понятия не имею, как он все это сочиняет. Насколько мне известно, заплыть на дно моря Страуд невозможно и водного народа не существует.

Вскоре после Вознесения он по приказу короля и королевы женился на леди Клаудии.

Йен никогда не рассказывал о жене.

Счастливы ли они вообще в браке? Моя улыбка увяла, и я опустила взгляд на шипучее розоватое вино. Кажется, до свадьбы они были едва знакомы. Как долго нужно знать человека, с которым предстоит провести всю жизнь?

А Вознесшиеся живут очень, очень долго.

Все еще странно думать о Йене как о Вознесшемся. Он не второй сын, но из-за того, что я Дева, королева попросила богов сделать редкое исключение из естественного порядка и позволить ему вознестись. Я же избавлена от подобной участи: брака с незнакомцем, другим Вознесшимся, уверенным, что превыше всего желает красоты, потому что привлекательность божественна.

И хотя я Дева, Избранная, меня никогда не сочтут божественной. Герцог уверяет, что я некрасива.

Что я — трагедия.

Я невольно потрогала жесткое кружево маски и тут же отдернула руку.

Мужчина, в котором я признала гвардейца, поднялся из-за стола и повернулся к женщине в белой, как у меня, маске. Он протянул ей руку, что-то тихо сказав, она с улыбкой кивнула и вложила свою ладонь в его. Она встала, сиреневая юбка заструилась вокруг ее ног. Мужчина повел ее к двум единственным дверям, доступным для гостей: одна на выход, другая — в смежные помещения. Правая выходила наружу. Левая — к лестнице наверх, в более уединенные комнаты, где, по словам Бритты, всякое случается.

Гвардеец повел женщину в маске через левую дверь.

Он спросил. Она ответила «да». Чем бы они ни занимались наверху, это будет по обоюдному согласию. Независимо от того, продлится это пару часов или целую жизнь.

Я долго смотрела на закрывшуюся дверь. Неужели это еще одна причина, по которой я сюда пришла? Испытать удовольствие с кем-то по своему выбору?

Я могла бы, если бы захотела. Я слышала, как беседуют между собой леди-в-ожидании, от которых не требуют оставаться нетронутыми. По их словам... для женщины есть множество способов получить удовольствие, сохранив непорочность.

Непорочность?

Я терпеть не могу это слово и его значение. Как будто девственность определяет мою божественность, мою невинность; как будто ее наличие или отсутствие каким-то образом важнее, чем сотни выборов, которые я делаю каждый день.

В глубине души мне даже интересно, что сделают боги, если я приду к ним не девой. Будут ли они рассматривать все остальные мои деяния или отвернутся от них только потому, что я больше не девственница?

Не знаю, но надеюсь, что это не так. Не потому, что я собираюсь заняться сексом сейчас, или на следующей неделе, или... вообще когда-нибудь, а потому что хочу иметь возможность делать такой выбор.

Хотя я не уверена, что мне когда-либо подвернется такая возможность. Но здесь, в «Красной жемчужине», наверняка найдутся желающие поучаствовать в том, о чем говорили леди-в-ожидании.

Сердце нервно затрепетало, и я заставила себя выпить еще шампанского. Сладкие пузырьки защекотали горло и немного смягчили внезапную сухость во рту.

По правде говоря, решение отправиться на поиски приключений было спонтанным. Обычно по ночам мне не спится почти до рассвета. А когда я засыпаю, то почти жалею об этом. Только на этой неделе я трижды просыпалась от кошмаров, и мои крики звенели в ушах. А когда кошмары являются вот так, один за другим, они очень

похожи на предзнаменование. Предупреждающе кричит инстинкт, похожий на мою способность чувствовать боль.

Сделав неглубокий вдох, я оглянулась. Женщины в красном на столе уже не было: она сидела на коленях торговца, который спрашивал, что случится, если выигрывают двое. Он рассматривал свои карты, но его рука была там, где раньше ее собственная. Глубоко меж ее бедер.

Ну и ну!

Прикусив губу, я бросилась прочь, пока мое лицо не запылало огнем. В соседнее помещение, частично отделенное стеной. Здесь тоже играли.

И здесь тоже нашлись гвардейцы. Некоторых я даже узнала — они из королевской гвардии, такие же солдаты, как и те, что служат на Валу, только эти защищают Вознесшихся. У Вознесшихся есть личная охрана, потому что бывали случаи, когда членов двора похищали ради выкупа. Им обычно не причиняли серьезного вреда, но были похищения и по совершенно другим, более жестоким причинам.

Я стояла возле горшка с листовным растением, которое щеголяло крохотными красными почками, и не знала, что делать дальше. Можно присоединиться к другой карточной игре или завести беседу с кем-то из множества посетителей, бездельничающих вокруг столов, но у меня плохо получается болтать о пустяках с незнакомцами. Я наверняка ляпну какую-нибудь глупость или задам случайный вопрос не по теме. Так что это не вариант. Полагаю, пора вернуться в свои покои. Час уже поздний и...

Меня охватило странное ощущение. Начавшись как покалывание в затылке, оно с каждой секундой усиливалось.

Как будто за мной наблюдают.

Осмотревшись, я не заметила, чтобы кто-нибудь обращал на меня пристальное внимание. Но я ожидала увидеть кого-то совсем рядом — настолько мощным было ощущение слезки. Меня охватило беспокойство. Я было повернулась к выходу, и тут слева раздался негромкий, протяжный звук какого-то струнного инструмента. Мой взгляд упал на прозрачный кроваво-красный занавес, который слегка раскачивался от движений посетителей.

Я застыла, прислушиваясь к нарастающему и ослабевающему темпу, к которому вскоре присоединился тяжелый бой барабанов. Я забыла, что за мной наблюдают. Забыла о многом. Эта музыка... ничего подобного я раньше не слышала. Она становилась глубже и мощнее. Замедлялась, а потом ускорялась. Это было... чувственно. Что там служанка Бритта говорила о танцах в «Красной жемчужине»? Она понизила голос, когда речь зашла о них, а ее слушательницы выглядели шокированными.

Пробираясь вдоль стены, я приблизилась к занавесу и протянула руку, чтобы сдвинуть его...

— Не ходи туда.

Вздрогнув, я обернулась. Позади меня стояла женщина — одна из леди, работающих в «Красной жемчужине». Я ее узнала. Когда я только что пришла, она стояла под руку с торговцем или дельцом, но запомнилась мне из-за ее потрясающей красоты.

Густые иссиня-черные кудри, кожа насыщенного коричневого цвета. На ней было красное платье без рукавов, с низким вырезом, и ткань струилась вдоль ее тела, точно вода.

— Простите? — Я опустила руку, не зная, что еще сказать. — Почему нет? Там же просто танцуют?

— Просто танцуют? — Она посмотрела поверх моего плеча на занавес. — Некоторые говорят, что танцевать — это заниматься любовью.

— Я... Я такого не слышала.

Я медленно оглянулась. Сквозь занавес проступали очертания тел,двигающихся под музыку с завораживающей текучей грацией. Некоторые танцевали в одиночку, их изгибы и формы были отчетливо видны, тогда как другие...

Я резко втянула воздух и опять повернулась к женщине.

Ее ярко накрашенные губы изогнулись в улыбке.

— Ты здесь впервые, правда?

Я открыла рот, чтобы возразить, но ощутила, как жар растекается по всей видимой части моего лица. Одно только это выдало меня с головой.

— Это так очевидно?

Она рассмеялась грудным смехом.

— Не для всех. Но для меня очевидно. Раньше я тебя здесь не видела.

Я потрогала маску, чтобы убедиться, что она не съехала.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя хорошая маска.

Странный понимающий блеск мелькнул в ее глазах. Они золотисто-карие, не цвета лесного ореха — оттенок золота слишком яркий и теплый. Она напомнила мне другого человека с глазами глубокого лимонного цвета.

— Я узнаю лица, даже если они скрыты полумаской. А твое я никогда раньше не видела. Ты здесь впервые.

Я понятия не имела, что ответить.

— И для «Красной жемчужины» такое тоже впервые. — Она наклонилась ко мне, понизив голос. — В эти двери еще никогда не входила Дева.

Меня захлестнуло потрясение, и я крепче сжала скользкий бокал с шампанским.

— Не знаю, о чем ты. Я вторая дочь...

— Ты подобна второй дочери, но не так, как тебе хотелось, — оборвала она и слегка прикоснулась к моей

руке, прикрытой плащом. — Все хорошо. Бояться нечего. Я сохранию твой секрет.

Я целую минуту тарасилась на нее, прежде чем ко мне вернулся дар речи.

— Если бы это была правда, зачем хранить такой секрет?

— А почему бы нет? Чего я добьюсь, если кому-нибудь расскажу?

— Заслужишь благосклонность герцога и герцогини. Мое сердце заколотилось.

Ее улыбка исчезла, а взгляд стал жестким.

— Мне не нужна благосклонность Вознесшихся.

Она произнесла это так, словно я предложила ей получить благосклонность навозной кучи. Я почти поверила. Но никто в королевстве не станет упускать шанс заслужить почести от Вознесшихся, разве что...

Разве что люди, которые не признают королеву Илеану и короля Джалару законными правителями. Которые поддерживают того, кто называет себя принцем Кастилом, истинным наследником королевства.

Вот только он не принц и не наследник. Он всего лишь остаток Атлантии, развращенного королевства, павшего в конце войны Двух Королей. Монстр, сеющий хаос и кровопролитие. Воплощение чистого зла.

Он Темный.

И тем не менее есть люди, что поддерживают его притязания. Последователи, которые устраивают мятежи и стоят за исчезновением многих Вознесшихся. В прошлом Последователи только вызывали беспорядки мелкими собраниями и протестами, и даже тогда их было очень мало — благодаря наказаниям, которым подвергались все, в ком подозревали Последователей. Суды даже не созывали. Второго шанса не давали. Никаких тюремных сроков. Только смерть — быстрая и бесповоротная.

Но в последнее время все изменилось.